

А.А. Гируцкий

УДК 808.1+398

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ПОЭЗИЯ БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ ДВУЯЗЫЧИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНТОЛОГИИ “СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ПОЭЗИЯ БЕЛАРУСИ”. СОСТАВИТЕЛЬ А. АВРУТИН. Мн.: УП “Технопринт”, 2003. – 200 с.)

Антология “Современная русская поэзия Беларуси” представляет собой попытку максимально широко представить творчество современных поэтов Беларуси, пишущих по-русски. В нее включены произведения 222 авторов, наиболее ярко зарекомендовавших себя за последние два десятилетия. Среди них такие известные поэты, как А. Аврутин, В. Блаженный, С. Евсева, А. Жданов, И. Котляров, Т. Краснова-Гусаченко, К. Михеев, А. Павловская, Ю. Сапожков, Д. Симанович, А. Скоринкин, Н. Татур, Ю. Фатнев, А. Черная, М. Шелехов и другие. Произведения местных художников слова и успевших проявить себя на поприще поэзии молодых авторов дают представление об особенностях языковых процессов в современной оригинальной русскоязычной поэзии Беларуси, обусловленных двуязычной ситуацией в республике, функционированием двух государственных языков – белорусского и русского. На специфику этих процессов также оказывает влияние историческое родство и тесная связь судеб и культур двух народов – белорусского и русского.

Художественный билингвизм занимал и занимает видное место в развитии и взаимообогащении языков и литератур. Без преувеличения можно сказать, что с тех пор как существует художественная литература, существует и взаимодействие языков в этой области. Оно обуславливается прежде всего закономерностями развития мировой литературы, единством ее литературного процесса. Как справедливо утверждал академик М.П. Алексеев, изолированных национальных литератур не существует, все они “взаимосвязаны

то общностью своего происхождения, то аналогиями в своей эволюции, то наличием существующих между ними непосредственных отношений и взаимовлияний, то, наконец, двумя или тремя указанными условиями одновременно в их разнообразных возможных сочетаниях” (1, с. 179). В равной степени не существует изолированных друг от друга языков. Любой литературный язык развивается не только за счет своих внутренних ресурсов, но и путем взаимодействия и контактирования с другими языками.

Художественная литература – оригинальная и переводная – является одним из путей проникновения заимствований в тот или иной язык. Использование иноязычного слова в художественной речи может послужить первым шагом к его закреплению в данном языке, привести к изменению семантического и стилистического объема, функций элементов заимствующего языка, к активизации той или иной словообразовательной модели. Например, употребление в своих произведениях на русском языке А.С. Пушкиным, М.Ю. Лермонтовым, А.С. Грибоедовым и другими писателями и поэтами грузинских слов привело к проникновению в русский язык значительного количества грузинизмов. Огромно количество тюркизмов в произведениях русских писателей, связанных с тюркской тематикой, что способствовало закреплению тюркизмов в русском языке. В гоголевский период в русский язык через художественную литературу вошла целая серия украинских слов.

Художественная литература Беларуси также является той сферой, где протекают активные процессы взаимодействия языков и культур. Взаимодействие белорусской и русской культур и языков имеет свои специфические черты в силу общности исторических судеб белорусского и русского народов, генетического родства и близости систем двух языков. Современность наложила на отношения двух народов, культур и языков свой особый отпечаток. Некоторое представление об особенностях этих отношений дает рассматриваемая антология. Следует заметить, что в судьбах ее авторов переплелись, иногда причудливо, две страны – Беларусь и Россия, поэтому они не

могут не ощущать себя частицей этой общности. Ощущение поэтом духовной общности двух народов неожиданно проявляется в семантическом сближении – почти до полных синонимов – слов *белорус* и *русский*:

Под синим небом белорусским
Познал я радость и беду.
Я – *белорус*, а значит – *русский*,
Таким и в небо я уйду.

(А. Геращенко. Я – русский. С. 44)

Другой мотив – сожаление о том, что это уже не та общность, многое разрушено, утеряно:

Мы потому сегодня голь и грусть
И носим в сердце скорбную руну,
Что по-живому разорвали Русь
На Беларусь, Россию, Украину.

(А. Тропин. Русь. С. 167)

Этот разрыв проявляется хотя бы в том, что белорус ощущает себя в России уже иностранцем. Словосочетанием *белоруска в Москве*, его повтором, сравнением белоруски в Москве с чайкой в траве, с травой в море, один из авторов антологии подчеркивает это новое восприятие Москвы:

Что за ветры здесь злые – доводят до слез...
А зовут меня так: *белоруска в Москве*.
Белоруска в Москве, белоруска в Москве,
Словно в море трава, словно чайка в траве...

(Т. Дашкевич. Белоруска в Москве. С. 52)

Слова *Русь*, *Россия*, являются частотными в антологии. И это закономерно, ибо для многих поэтов, представленных в ней, Россия является родной. Русских поэтов, живущих в Беларуси, тревожит судьба их первой родины, им кажется, что той России, которую они знали и в которой выросли, давно уже нет:

Разве есть где-нибудь в самом деле на свете *Россия*?
Этой станции нет. Верстовые столбы не видны.

Этой станции нет. Очень просто – была и не стало.
Расписание диспетчер исправил спокойной рукой.
И ослепшее время бушует в стропилах вокзала.
Поезда не уходят в *Россию* – нет больше такой.

(Е. Агина. *Ох, какая тоска здесь бывает в предзимнюю пору...С. 14*)

И это не просто тоска по детским или юношеским годам, проведенным в России и утерянным безвозвратно. Некоторых поэтов тревожит происходящее в современной России:

Не предсказать, не объяснить –
такая боль в извечной сини,
такое дается в *России*,
что лишь слезами говорить.

(И. Котляров. *Вдруг молвлю: “Ой ты гой еси!...” С. 84*)

Высокое слово *Русь* звучит, когда поэты вспоминают славные страницы истории своей родины. Эта же лексема используется для того, чтобы выразить веру в будущее России, в ее способность преодолеть обрушившиеся на нее беды и несчастья:

Мать сыра земля *Русь* баюкает.
Тишиной высот, тишиною вод,
Тишиной полей беспредельною
Мать земля поет колыбельную:
“Ты расти, народ, ты расти, народ,
Ты расти, народ, вечность целую...
А забрезжит день – сны в душе храни.
Дальше снов шагни, *Русь* рассветная...”
Русь в туманах вся спит, смежив глаза.

Никому еще *Русь* неведома...

(Ю. Фатнев. *То ли пала мгла, то ли ночь светла...* С. 170)

В антологии встречается один раз диалектное название *Расея*. Оно органично вписывается в текст стихотворения, посвященного простому люду:

Царем Алексеем велено гнать в шею,
бить нас батогами, будто собак,
да невдомек ему: не загнать *Расею*
токмо на молебен, токмо в кабак.

(В. Грядовкин. *Скоморохи*. С. 49)

Помимо названия русского государства в стихотворениях представлены и другие топонимы, обозначающие названия русских городов, рек, улиц, площадей, сооружений: *Москва, Петербург, Петроград, Питер, Ленинград, Мариуполь, Черная речка, Колыма, Таганка, Садовое кольцо, Сенатская, Дворцовая, Летний сад, Исакий*. Топонимы не только локализуют поэтические объекты, но и содержат в себе эстетическую, культурную, историческую информацию, свидетельствуют об отношении того или иного поэта к обозначенному объекту. Общность судеб и культур белорусского и русского народов иногда может проявиться в столкновении топонимов, например:

Мост, решеток говорок.
Пуха вешнего обнова.
Петербургский уголок
В центре Витебска родного...

Ты из пепла воскресал,
был душе отрадой в бурю.
Ты – как *Витебский вокзал*
На просторах *Петербурга*.

(Д. Симанович. *Мост, решеток говорок...* С. 142)

Широко представлены в текстах антологии имена известных русских писателей, поэтов, литературных героев: *Пушкин, Тургенев, Блок, Фет, Ахматова, Бродский, Высоцкий, Пастернак, Твардовский, Цветаева, Онегин, Татьяна, Печорин, Рудин, Обломов*. Их употребление свидетельствует о тесной связи представленных в антологии поэтов с русской литературной традицией, о бережном отношении к русской литературе.

С теплотой отзываются поэты о Беларуси, которая стала для некоторых из них второй родиной:

А судьбе того казалось мало:
Укоряла – медленно плетусь
К встрече, что фатально предстояла
С таинством названья – Беларусь.
Соступила здесь с дороги длинной
Вить гнездо и помнить обо всем.
По-татарски дочь зовется Диной,
Сын по-белорусски – Юрасём.
Беларуси дар – теплом приветить,
К людям обратя и жест, и взгляд...

(А. Черная. *Вместо биографии*. С. 177)

Для многих поэтов антологии Беларусь является их первой и единственной родиной, дающей им поэтическое вдохновение, поэтому естественно употребление в текстах антологии белорусских топонимов: *Беларусь, Минск, Витебск, Гродно, Днепр, Березина, Свислочь, Беловежская пуца, Высокий берег, Холопеничи, Бабарика, Грушевка*. Белорусские топонимы выполняют в текстах антологии не только различительные и адресные функции. Помимо прямой номинации, они служат опозитизированными наименованиями, часто выступают как символы белорусского края, создают местный, локальный колорит, подчеркивают любовь поэтов к тем местам, где они родились и выросли, как, например, в стихотворении “Беловежской пуце”:

Родные места, снова вас обнимая,
Я слушаю иволги утренний зов.
Колосья полей и тропинка лесная –
Я счастлив безмерно, что с вами я вновь.
Что вырвался на день в родные пенаты
Из мира суетного фальши и лжи...
Гигантов столичных милее мне хаты,
Да шорохи трав, да волнение ржи.
(Л. Лукаша. Беловежской пуще. С. 101)

В текстах антологии находит свое отражение и ситуация двуязычия в республике. В рассматриваемых текстах она проявляется в наличии в структуре поэтических произведений определенного количества различных типов белорусизмов: *батька, большак, вертат ся, зорог, Дзяды, дзякуй, калі ласка, криница, межа, местечко, мова, недалёка, сбирая, стежка, сыродой, хата, хатенка, хворый, чугушка, Юрась*. Белорусизмы создают специфический национальный колорит, дополнительную смысловую или эмоциональную характеристику образа, выступают действенным художественным средством. Органично представлена белорусская языковая стихия в стихотворениях А. Аврутина. Он является также и переводчиком поэзии с белорусского языка, поэтому тонко чувствует изобразительно-выразительные возможности белорусского слова в русском поэтическом тексте:

И пускай говорят...
Есть у каждого Черная речка!
Есть родимая *стежка* –
одна среди тысяч дорог.
Подарю на прощанье крестьянке
простое колечко
И уйду навсегда в тот простор,
где лишь ветер да Бог...

(А. Аврутин. *Сколько нищих прошло...* С. 7)

Лексико-стилистический белорусизм *стежка*, органически вписанный в глубокий философский смысл стиха, подчеркивает привязанность судьбы поэта к судьбе родной белорусской земли. Мастерски используется поэтом в другом стихотворении лексико-стилистический белорусизм *межа*, придавая философии стиха экспрессию и лиричность:

Где город мой? Нет города... Чужие
Вокруг остались люди и дома.
И где *межа*? – не проведу *межи* я, –
Кто не сошел, а кто сошел с ума?

(А. Аврутин. *Где город мой?*... С. 11)

Еще в одном стихотворении А. Аврутина, представленном в антологии, белорусизм *хатенка* не только подчеркивает убогость жилища, но делает узнаваемой безымянную родину, описываемую в стихе:

Прокурлычет душа над ухабами и косогорами,
Над неубранной рожью, что спит в ноздреватом снегу,
Над столетней старухой, в *хатенке* сидящей за шторами,
И над спиленным кленом, воткнувшимся в грязь на бегу...

(А. Аврутин. *Мы пришли и уйдем...* С. 11)

Белорусское слово, таким образом, может выполнять функцию национальной идентификации лирического героя. Единство двух братских народов – белорусского и русского – не отменяет национальной самобытности их языков и культур, Общность судеб не должна мешать их собственному развитию – двуязычие не должно убить *мову*:

Я буду изгоем в родной стороне
За то, что в краю белорусском
Нелепое счастье даровано мне –
Меня воспитали по-русски.
На русской, шляхетской, хохляцкой крови

Замешана горькая доля –
К родному народу не *ведать* любви
И волю встречать как неволю.
Убитое слово из гроба встает,
Смелее раскройте объятья!
Пусть *мова* очнется и вечно живет.
(Л. Яковенко. *Возрождение*. С. 195)

Можно сделать вывод, что современная русскоязычная поэзия Беларуси развивается в рамках художественного билингвизма и бикультуризма. Это проявляется не только в темах и мотивах творчества поэтов, но и в использовании ими элементов белорусского языка в русскоязычных текстах.

Анализ русскоязычной литературы Беларуси в целом – оригинальной и переводной – показывает, что белорусизмы – явление частое в русском художественном тексте. И такое их употребление – первый шаг к закреплению в русском языке, в частности, в русском языке Беларуси. Вот далеко не полный перечень таких лексем, отмеченных разными исследователями: *вёска, блискавица, дзякуй, журба, завая, загад, мова, куток, юнак, пуга, краина, кирмаш, безмежны, вызволенье, вызволитель, даруйте, загинуть, конюшина, ржнице, стогодье, селиба, коханье, обминуть, песняр, певень, бусел, аркуш* и др.

Иногда белорусское слово включается в русский текст по той причине, что оно не имеет однословного эквивалента в русском языке, например: *молдик* (рус. луна в первой четверти), *перун* (рус. удар грома), *покут* (рус. красный угол), *чугунка* (рус. железная дорога), *выворотень* (рус. вывороченное дерево), *зажинки* (рус. начало жатвы), *дожинки* (рус. окончание жатвы) и т. д.

Часть белорусизмов – это лексем, известные и русскому языку, но в белорусском языке они могут получать и другое значение: *шлях* в обоих язы-

ках имеет значение «дорога», но в белорусском еще и «направление деятельности, развития» (ісці разведанамі шляхамі). К таким словам можно отнести также *сход, межа, жито, лядо, вышина* и др. Во всех этих случаях количество значений не совпадает.

Наиболее широко в русских текстах представлены лексико-стилистические белорусизмы. Это своеобразный вид белорусско-русского лексического взаимодействия: под влиянием определенных лексических единиц белорусского языка в русской речи появляются слова, которые полностью или частично совпадают с белорусскими по содержанию, но в то же время принадлежат к иным стилям или иным лексическим пластам (например, к диалектизмам) и поэтому отличаются от белорусских своими выразительными возможностями. Это явление особенно часто наблюдается в переводах с белорусского языка на русский. При этом тонкость семантико-стилистических отличий вынуждает иногда переводчика ошибаться, а это, естественно, ведет к искажению идейно-художественных особенностей оригинала. В качестве эквивалентов белорусских стилистически нейтральных лексем могут выступать:

русские диалектные (и поэтому стилистически маркированные, не нейтральные) единицы: *бурак, вестка, гай, кузня, сумет, фурманка, большак, вир, завируха, кордон, хвороба, вечерять, вечера, горлач, гребля, гуторить, криница, припевка, похилиться, росстань, стежка;*

русские разговорные лексемы: *смак, разминуться, дивиться, дочка, кинуть, палить, помереть, поспеть, приступки, обирать, сдается, часом, постучать, перемогать;*

русская просторечная лексика: *думка, торба, женка, спокон, шибко, запалить, кликать, насбирать, норов, одежда, притулиться, хворый, гомонить;*

русские архаизмы: *наместник, горше, потреба, плескать, чаровница, заране, наставница, цивильный* и др.

Встречаются в русскоязычных текстах и белорусские фразеологические единицы – поговорки, афоризмы, пословицы, ритуальные формулы и т.д.: *Не до поросят, когда свинью смолят; Эх, жаль сироту – не стерпеть животу; Идешь на женитьбу, как на слом головы; Покуда мы с тобой уснем, люди и ночь разберут; Гуторь, гуторь, а волы в жито; Шепоты хату рушат; Бывайте здоровы; Будь ласков; День добрый; Ты пан – не пан, а так себе полупанок, потому что лоб у тебя низкий, нос слизкий, так оно и видно, что ты лижешь панские полумиски; Придется жить, как набежит; Терпи, Гришка, – корчма близко и др.*

Весьма разнообразны белорусизмы и в тематических отношениях. Отметим для примера несколько разноплановых тематических групп:

этнографизмы: *намитка, праснак, андсрак, поветь, клуня;*

названия планет: *Вечерница (Венера), Болчье око (Марс);*

названия еды и напитков: *берегоси, колдуны, драники;*

названия национальных танцев и песен: *бульбочка, калыханка, лявониха, юрочка;*

названия лиц: *хлопец, хлопчик, женка, селянин, коваль, полонянка, наместник;*

названия растений и животных: *бусел, коники, певни, орешина, бурак, конюшина, жито;*

названия явлений и объектов природы: *завируха, завей, хмара, сумёт, вир, гай, криница, молодик;*

названия хозяйственных предметов: *торба, ручник, севалка, клевец, пуга;*

абстрактная лексика: *смак, потреба, норов, вестка, вспомин, журба, коханье, подмога;*

а также немало других лексических единиц: *вязовка, грудок, дубица, волотовка, лесничевка, швейка* и т. д.

Этот список нельзя сделать окончательным, поскольку проникновение белорусизмов в русские художественные тексты – процесс живой, актуальный.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев М.П. Восприятие иностранных литератур и проблема иноязычия // Труды юбилейной научной сессии. Секция филол. Наук. Л., 1946. С. 179.
2. Гируцкий А.А. Белорусско-русский художественный билингвизм: типология и история, языковые процессы. Мн., 1990. – 175 с.
3. Гируцкий А.А. Языковые особенности русскоязычной художественной литературы Белоруссии // Русский язык в Белоруссии. Мн., 1985. С. 179 – 199.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУ